

«сплошность» «Запада/ Востока» как необходимый пример исключенности из модуса утверждения/ отрицания, из мышления без приоритетного противопоставления как не только «другого» мышления, но и мышления из другого.

И. Н. Рассоха
Харьков

ЗАЧЕМ УЧИТЬ ФИЛОСОФИИ?

«Зачем нужна философия?» — вопрос сам по себе в высшей степени философский, с этого, собственно, мы и начинаем свое преподавание студентам. И при этом обязательно вспоминаем, что слово «философия» значит в переводе с древнегреческого «любомудрие», т. е. «любовь к мудрости». Но что такое мудрость? На этот счет, как правило, преподаватели философии не очень долго распространяются, высказываясь в том смысле, что, дескать, своя стихийная мудрость есть у каждого, что народ запечатлел ее в пословицах и поговорках, но вот философы делают все то же самое гораздо более профессионально. И далее плавно переходим к связи с мифологией и религией, чтобы на следующий раз уже говорить о философии Востока... Но сейчас я хотел бы предложить на время оставить Индию и Китай в покое и сразу поговорить о цивилизации Запада, к которой мы все (в широком смысле) принадлежим и где философия началась в Древней Греции. Очевидно, что философия как институционализированный род человеческой деятельности началась тогда, когда ей стали учить, т. е. стали профессионально учить мудрости. Пифагорейцев и «физиологов» можно назвать первыми профессиональными учеными, но для нас, современных философов, они еще не были в полном смысле собратьями по профессии. Таковыми стали древнегреческие софисты.

Гегель писал: «Название «софисты» они сами себе дали, разумея под ним учителей мудрости, т. е. таких учителей, которые могут сделать людей мудрыми... Следует даже сказать, что софисты были учителями Греции, и лишь благодаря им образование вообще получило там существование»⁷⁶. И да-

⁷⁶ Гегель. Г. В. Ф. Лекции по истории философии // Сочинения. М., 1932. Т. 10. С. 5–7.

лее: «Благодаря ворвавшейся рефлексии человек уже не довольствуется подчинением законам как авторитету и внешней необходимости... влечения и склонности человека становятся властвующей над ним силой, и, лишь удовлетворяя их, он получает удовлетворение. Софисты учили о том, каким образом привести в движение эти силы в эмпирическом человеке, так как нравственное благо перестало быть решающим фактором. Сводить же обстоятельства к этим силам учит красноречие, которое именно вызывает в слушателях гнев и страсти, чтобы добиться чего-нибудь. Поэтому софисты сделали главным образом учителями красноречия; последнее есть как раз то искусство, посредством которого отдельное лицо может приобрести почет у народа, равно как и осуществлять то, что служит на пользу последнему. Для этого, разумеется, требуется демократическое государственное устройство, в котором гражданам принадлежит последнее слово»⁷⁷. Итак, Гегель не только недвусмысленно называет софистов учителями Греции, преподавшими ей мудрость, но и четко определяет, в чем эта мудрость состоит: она — в умении убеждать других людей, т. е. в умении мудро говорить.

Из этой практической задачи, из институционализированного ораторского искусства со временем разовьются логика и научная филология, у истоков которых стояли как раз софисты Протагор, Горгий, Продик и др. Так, «Протагор первым стал различать времена глагола и точно выражать время действия... И это он выделил четыре вида речи — пожелание, вопрос, ответ и приказ, назвав их основами речи»⁷⁸. Или, по Платону: «Сперва, как говорит Продик, следует изучить (учение) о правильности имен». Гегель подчеркивал: «Аристотелевская «Топика» указывает категории или определения мысли, которые надо принимать во внимание, чтобы научиться говорить. Но софисты были первыми, стремящимися к познанию этих категорий»⁷⁹. Безусловно, чтобы убеждать других, необходимо сначала научиться грамотно мыслить самому. Однако здесь нас больше интересует собственно философия, философия как мудрость, выросшая из ораторского искусства.

⁷⁷ Гегель. Г. В. Ф. Лекции по истории философии. С. 9–10.

⁷⁸ Диоген Лазертский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1986. С. 348.

⁷⁹ Гегель. Г. В. Ф. Лекции по истории философии. С. 22.

Дело в том, что для умения убеждать других людей самой по себе формальной грамотности мышления вовсе не достаточно. Дейл Карнеги, ректор Института ораторского искусства и человеческих отношений, творивший в Соединенных Штатах Америки в первой половине XX в., в итоге пришел к тому же выводу: «По прошествии нескольких лет обучения мне стало ясно, что эти взрослые люди очень нуждались в овладении ораторским искусством, однако еще больше они нуждались в искусстве жить и ладить с людьми в своих ежедневных деловых и общественных контактах...»; «Если по прочтении этой книги Вы приобретете самое нужное — склонность всегда становиться на точку зрения другого, смотреть на вещи его глазами, это может стать важной вехой в вашей карьере...»; «Мир полон людей жадных и корыстных. И редкий человек, искренне стремящийся быть полезным другим, обладает огромным преимуществом»⁸⁰. Очевидно, что Дейл Карнеги учит своих слушателей именно добродетели, причем именно в том смысле, который вкладывали в это понятие софисты. Вспомним, что Протагор, по Платону, определял свою науку как «смышлительность в домашних делах, умение наилучшим образом управлять своим домом, а также в делах общественных: благодаря ей можно стать всех сильнее и в поступках, и в речах, касающихся государства». А вот что заявляет Сократ, по Ксенофону: «Заведование личным хозяйством только количественно отличается от заведования общественными делами, а в других отношениях одно похоже на другое; заведывающие общественными делами пользуются не другими какими людьми, а теми же самыми, которые управляют личными хозяйствами. Кто умеет обходиться с людьми, тот хорошо ведет и частные, и общественные дела, а кто не умеет, тот и здесь, и там делает ошибки»⁸¹. И именно отсюда проистекает знаменитое высказывание Протагора: «Мне ни один человек не кажется дурным». Ведь для того, чтобы убедить человека, его надо сначала понять, вообще, необходимо уважать чужое мнение. Протагора традиционно ругают за релятивизм. Но ведь это — лишь онтологизированное признание права каждого на собственную истину.

⁸⁰ Карнеги Д. Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей. Киев: Наукова думка, 1989. С. 10, 45, 35.

⁸¹ Ксенофонт Афинский. Сократические сочинения. М.; Л.: Academia, 1935. С. 102 — 103.

Платон был современником софистов, причем именно произведения Платона являются основным источником наших знаний о софистах. «Софисты отрицали объективную значимость любых высказываний о космосе, об общественном устройстве или о человеческом поведении... Можно с одинаковой степенью убедительности доказывать истинность двух прямо противоположных положений, что софисты неоднократно и делали — иногда в качестве учебных упражнений»⁸². Хотите узнать, как они это делали, — читайте диалоги Платона! Мнение об отсутствии принципиальных различий между творчеством Платона (кроме поздних его этапов) и софистикой было широко распространено среди его учеников и последователей в созданной им Академии. Начиная с Аркесилая, руководившего Академией с 270 по 240 г. до н. э., следует период так называемой Средней Академии. Отказавшись от направления своих предшественников, обращавшихся к поздним произведениям Платона (прежде всего к «Тимею»), Аркесилай обратился к изучению ранних платоновских диалогов, в которых, по его мнению, излагались неискаженные взгляды Сократа. Аркесилай нашел, что в этих диалогах отсутствует всякая догматика; Сократ ограничивается в них критикой чужих мнений, прежде всего тех, которые развивались софистами, но не формулирует никакой положительной системы, довольствуясь констатацией собственного незнания. Аркесилай пришел к выводу, что такова же была точка зрения раннего Платона и что именно она должна быть положена в основу философии академической школы. Исходя из этих предпосылок, Аркесилай ограничил свою деятельность критикой догматических учений — эпикуреизма и стоицизма, а также преподаванием, причем он заставлял своих учеников упражняться в доказательстве и опровержении одних и тех же тезисов (как это делали раньше софисты)⁸³.

Еще интереснее, что с Аркесилаем соглашается и Алексей Федорович Лосев: «Без философских препирательств софистов, Сократа и Платона было бы скучно в истории античной философии; без этой зазорной диалектики, вечного искательства правды и истины не сложились бы античная

⁸² Рожанский И. Д. Развитие естествознания в эпоху эллинизма и Римской империи. М.: Наука, 1988. С. 70.

⁸³ Там же. С. 83.

философия и античная литература в том виде, в каком они воздействовали на всю последующую культуру и в каком мы ощущаем их еще и в XX в.»; «Весь этот софистическо-сократическо-платонический метод (А. Ф. Лосев так и не решился просто написать: «софистический». — И. Р.) исследования истины при помощи вечной постановки вопросов и гипотез, при помощи нескончаемого и беспокойного драматизма мысли, при помощи красоты и взлетов воображения... все это нашло для себя у Платона гениальное выражение в его стиле и языке, так что тот, кто не разбирается в языке и стиле Платона, едва ли разберется в существе его философии... Античная философия, как и все античное литературное творчество, немыслима без вечной постановки все новых и новых вопросов, без напряженных исканий ответа на них, без страсти к спорам, к самым извилистым мыслительным приемам, без восторга перед словесными приемами, речами и цветистой риторикой... Именно благодаря диалогу, т. е. благодаря слишком подвижному и горячему драматизму мысли, платоновская философия в конце концов отказывается от какой бы то ни было системы. Очень трудно найти эту систему у Платона»⁸⁴.

То есть, согласно А. Ф. Лосеву, философия Платона и философская система платонизма — это разные вещи. Стиль Платона — это и есть его философия. Суть его диалогов (за исключением самых поздних) — напряженный поиск истины. Но в этом поиске главное — сам поиск, а отнюдь не утверждение каких-то общеобязательных догм, претендующих на абсолютную истину. В этом движении к истине «движение — все, цель — ничто». Главное же — эстетическое наслаждение от сопричастности общению мудрецов, от наблюдения их «страстных споров, самых извилистых мыслительных приемов», «восторг перед словесными приемами, речами и цветистой риторикой». Философских систем в диалогах Платона много, и они — разные, причем «ради красного словца» Платон не шадит ни одной из них. Так, Вильгельм Виндельбанд недоумевает по поводу трех диалогов Платона («Софист», «Политик» и «Парменид»), относимых к периоду его

⁸⁴ Лосев А. Ф. Жизненный и творческий путь Платона // Платон. Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 19, 52—53.

расцвета: «Во всех трех диалогах блеск языка, серьезность духовного склада, глубина мыслей и отчасти также искусство изложения так поразительно напоминают Платона, что трудно считать кого-нибудь другого, неизвестного, их автором. Однако есть веские соображения, заставляющие сомневаться в том, принадлежат ли эти произведения перу Платона. Мы должны приписать ему очень много добродушия, чтобы счесть критикой на самого себя ту резкую критику, которой подвергается его учение об идеях — ибо о нем только и может идти речь — в «Софисте» и в «Пармениде», в последнем даже с презрительной насмешкой. Трудно также представить себе, в какое время автор «Государства» и «Законов» мог писать еще и третье политико-философское произведение, в котором он нисколько не считался бы со своеобразными доктринами первых двух диалогов и держался бы совершенно новых политических теорий»⁸⁵. При этом еще следует иметь в виду, что Платон мог заимствовать у Демокрита учение об атомах, так же, как у Гераклита он заимствовал концепцию всеобщего становления, у элеатов — концепцию неподвижного Единого и у пифагорейцев — концепцию чисел. Это, конечно, не значит, что Платон эклектик. Но почти все свои основные категории он позаимствовал из прежней натурфилософии, приступив к разработке их на другой, более высокой ступени⁸⁶. Величие Платона как раз в ярком воплощении синтеза идей своих разнообразных предшественников, часто на более высоком теоретическом уровне. Из того, что Платон в большинстве своих диалогов с одинаковым блеском излагал и защищал самые разные точки зрения (очень часто не свои), еще вовсе не следует, что он не был самостоятельным, великим философом. Ведь он с недостигаемым по сей день мастерством манипулировал идеями с целью достижения наибольшего эстетического эффекта.

Вообще, целеполагание философствования как институционализированной деятельности в цветущую пору Древней Греции отличалось от того, что было принято в Новое время. Греков интересовал не столько результат — достижение Абсолютной истины, сколько сам процесс. Они знали, что ис-

⁸⁵ Виндельбанд В. Платон. Киев: Зовнішторгвидав України, 1993. С. 57.

⁸⁶ См.: Лосев А. Ф. Жизненный и творческий путь Платона. С. 11.

тин — много. Иными словами, плюралистическая духовная атмосфера эпохи расцвета древнегреческой софистики во многом напоминала современную «ситуацию постмодерна». Слово «игра» служит в философии постмодерна едва ли не самым ключевым словом. В связи с этим показателна специальная глава «Игровые формы философии» в книге Й. Хейзинги «Homo ludens». Она начинается словами «В самом центре круга, который мы пытаемся очертить с помощью понятия игры, стоит фигура древнегреческого софиста»⁸⁷. И как раз поздний Платон сделал здесь принципиальный шаг: из любомудра превратился в идеолога. Это совсем не обязательно рассматривать как прогресс: лучше быть «философом без системы», чем первым теоретиком тоталитарного общества.

Главная общая черта философии античной эпохи — это именно ее диалогичность, ориентированность на спор, на открытую дискуссию, невозможную без общего духа плюрализма, без искреннего интереса и уважения к собеседнику. Это проявляется как в открытии самой формы философского диалога, приписываемой (наряду с Зеноном) именно Протагору, так и в диалектичности содержания философской мысли. По этому поводу А. Ф. Лосев пишет: «Ведь никто не скажет, что диалектический метод не характерен для античной философии и что диалектический метод вместе с его основателями и поборниками — софистами, Сократом, Платоном и Аристотелем не вошел в центральное русло античного мышления и не оказался в конце концов чуть ли не единственным мировым достоянием, перешедшим из античности во все последующие культуры»⁸⁸. Заявление это — достаточно сильное, особенно из уст одного из самых блестящих знатоков античной культуры. Итак, диалектический метод — «чуть ли не единственное мировое достояние, перешедшее из античности во все последующие культуры». И основатели его — софисты с Сократом. Даже чисто с хронологической точки зрения Платон и Аристотель могут фигурировать здесь лишь как «поборники» диалектического метода, но отнюдь не как основатели.

⁸⁷ Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс, 1992. С. 167.

⁸⁸ Лосев А. Ф. Культурно-историческое значение античного скептицизма и деятельность Секста Эмпирика // Секст Эмпирик. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1975. Т. 1. С. 20.

Таким образом, по Лосеву, наибольшее культурное достижение античности — диалектический метод, разработанный софистами.

Современным студентам, разумеется, обязательно говорят на лекциях про то, какой Платон был большой идеалист, про систему Платона и ее тонкие отличия от системы Аристотеля и т. д. При этом они часто умудряются «пройти» философию, не прочитав ни одного платоновского текста. Но именно такие его лучшие диалоги, как «Протагор», «Пир», «Теэтет» и др., олицетворяют собой все лучшее в мировой философии, сам дух диалога, дух живого поиска истины без претензии на абсолютное ее знание, дух интеллектуального поединка без ненависти, но с уважением к оппоненту, олицетворяют философию как благородный спор мудрецов. Как не хватает этой доброжелательной мудрости в нашем истекающем нетерпимостью мире! С. Н. Паркинсон пишет: «Скажите рабочему или школьному учителю, что Земля плоская, и он скорее всего ответит: «Ерунда!» Скажите то же ученому, и он спросит: «Откуда вам это известно?» Его заинтересует возможный ход рассуждений... Ученым свойственно множество недостатков, но они хранят свое основное кредо: «Лозунг, провозглашенный тысячу раз десятью тысячами, не является в большей степени истиной, чем противоположное убеждение, высказанное шепотом одним человеком (увы, речь идет лишь о немногих среди ученых... — *И. Р.*). Это первый шаг к подлинной учености, и мы не достигнем никакого прогресса, пока этот шаг не будет сделан»⁸⁹.

Вступительные лекции и семинары обычно посвящают философской пропедевтике, т. е. пытаются пояснить студентам, зачем им, собственно, нужна «эта философия». Не лучше ли дать им самим прочитать «Теэтет» или «Протагора»?

Насколько интереснее и эффективнее проходят семинары по философии, если вместо зазубривания материалов лекций по разным персоналиям философских светил разбить студентов на команды по идейным направлениям и организовать игру как спор этих команд по избранным философским вопросам. Но «высший пилотаж» — обучить студентов вести диалог с самими собой: в стиле софистов равно убедительно

⁸⁹ Паркинсон С. Н. Законы Паркинсона. М.: Прогресс, 1989. С. 296.

доказывать и опровергать одну и ту же точку зрения. Ведь теперь мы точно убедились, что в мире нет абсолютных истин. А тогда для чего же еще преподают предмет философии, как не для обучения общей культуре мышления?

В. В. Самсонов

Новосибирск

ПОНЯТИЯ РАЗЛИЧИЯ И РАВЕНСТВА В ТЕОРИИ ТОЛЕРАНТНОСТИ

В данном докладе мне совершенно не хотелось бы останавливаться на часто приводимом различии между понятиями толерантности и терпимости. Немного упрощая ситуацию, я буду использовать «толерантность» и «терпимость» как одно понятие, так как основная цель данного доклада — философский анализ двух совершенно противоположных мыслительных и практических установок — терпимости-толерантности и экстремизма-ксенофобии. Тем более, что часто слово «толерантность» определяется как «терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению» (от латинского *tolerantia* — терпение). т. е. в основе термина — согласие воспринять нечто (духовное, нравственно-идейное, этико-эстетическое, религиозное) даже в том случае, если это нечто противоречит мировоззренческим установкам самого наблюдателя. Представляется, что в свое время Вольтер дал весьма четкое понимание толерантности: «Ваши убеждения мне чужды, но за ваше право их отстаивать я готов пожертвовать жизнью». В принципе, идея толерантности должна отражать такие отношения различия, когда постулируется необходимость некоего частично противоречивого единства Я-Другой. Можно предположить, что идею толерантности можно обосновать таким пониманием идентичности (человека, социальной или культурной группы, этнической общности), в котором различие предшествует тождеству. (Заметим, что проблема первичности тождества-различия является весьма древней философской проблемой; это один из немногих вопросов, актуальных и для средневековых богословов, эта тема явно присутствует и в наше время. Знаки внимания к этой теме демонстрируют все более и более подчеркнутая ориентация «позднего» Хайдеггера на философию онтологического различия, применение структу-